

Вотъ „мудрое“ изреченіе владыки и правый судъ! Возьми, старче, попа, владѣй имъ, какъ вьючнымъ животнымъ, и смотри, чтобы онъ не избаловался, слушался тебя и служилъ тебѣ, а не обществу.

И что же? приходится попу жить подъ опекой, разъ „сданъ на храненіе“ надежному человѣку, кланяться ему, угождать и т. п...

А тотъ, получивши власть отъ устъ преосвященнаго, начинаетъ всѣмъ ворочать съ большей силой, а общество и попа—„подъ пятку“.

И вотъ, такими-то путями и „процвѣтаетъ“ древо церкви и уже приносить плоды не сладости, а горести, которую приходится вкушать въ видѣ упадка религіи въ молодомъ поколѣніи.

Все молодое, все чуткое и воспріимчивое отвертывается отъ насъ, видя наше лицепріятіе и угождичество „сильнымъ“; оно пошло по слѣдамъ невѣрія, не находя въ насъ истинной, чистой и правдивой вѣры.

Невольно приходятъ на мысль слова, записанныя въ книгѣ новообрядческаго епископа Евдокима: „ужели люди, въ рукахъ которыхъ находится судьба нашей церкви, всего этого не понимаютъ? Ужели имъ не больно?..“ („На зарѣ нов. церк. жизни“, стр. 13).

Итакъ, разсуди, добрый читатель, кто больше виноватъ въ порабощеніи нашемъ?

Старообр. свящ. І. Кудринъ.

Наши предки и мы.

Предки наши, это — святые апостолы, святые мученики и блаженные мужи первыхъ дней христіанства и ихъ послѣдователи. Это—фактъ неоспоримый. Но не о нихъ, великихъ мужахъ древности, я хочу говорить. Я хочу говорить сейчасъ, собственно, о нашихъ ближайшихъ предкахъ—старообрядцахъ. Извѣстно, что старообрядцами мы стали называться со второй половины 17 вѣка, съ момента, когда мы не приняли новыхъ церковныхъ обрядовъ, введенныхъ бывшимъ патріархомъ Никономъ и закрѣпленныхъ къ безусловному исполненію по церквамъ и въ домашнемъ обиходѣ соборами 1666—7 гг. Новые обряды и новыя исправленія книгъ богослужбныхъ были настолько противны чистой христіанской совѣсти, что всѣ христіане, кои сознательно относились къ дѣлу религіи, не могли ихъ принять. Не принявъ ихъ, эти люди заявили гласный протестъ противъ ихъ

введенія и пожелали остаться при обрядахъ старыхъ, т.-е. при тѣхъ обрядахъ, которые были въ русской православной церкви отъ дней св. равноапостольнаго князя Владиміра до Никона, бывшаго патріарха, а потому они и стали называться *старообрядцами*, а часто и *старовѣрами*, ибо послѣ Никона у людей, послѣдовавшихъ за его нововведеніями, и вѣра до нѣкоторой степени стала новою, ибо люди, называемые нами съ того времени «новообрядцами», приняли между прочимъ и догматъ *тѣлесныхъ наказаній по дѣламъ вѣры*, чего древняя церковь гнушалась. Люди, ставшіе на защиту святой древности, прозванные старообрядцами, *это—наши предки*. Мы—ихъ послѣдователи. Обряды святой древности мы соблюдаемъ, какъ и они; какъ и они, мы гнушаемся и съ омерзѣніемъ отворачиваемся и отъ гоненій за вѣру, съ нами несогласныхъ.

Наши предки, это — нравственный образецъ, которымъ мы и должны руководиться въ нашей жизни.

Вотъ на эту-то тему я и поведу сегодня нашъ разговоръ.

Предки наши были: протопопъ Аввакумъ, діаконъ Θεодоръ, Лазарь, Епифаній, боярыня Морозова, сестра ея — княгиня Урусова и множество другихъ, которыхъ трудно перечислить.

Ставъ на защиту древности, они напередъ предвидѣли всѣ тѣ ужасы, которые имъ пришлось перенести потомъ. Но ихъ душа не смутилась предъ этими ужасами, а наоборотъ какъ-будто еще возвышеннѣе сдѣлалась, еще мужественнѣе и дерзновеннѣе.

Преслѣдуемые, заключаемые, пытаемые невыносимыми для простого смертнаго муками, они продолжали обличать неправоту нововведеній и отстаивать святость проклятсѣй безумцами старины.

Мученія ихъ были невыразимы. Мы не въ состояніи выразить ихъ человѣческимъ словомъ такъ ярко, какъ этого хотѣлось-бы по существу: нѣтъ на человѣческомъ языкѣ такихъ словъ, отъ которыхъ читатель почувствовалъ бы всю мучительность боли, холода, голода, тоски, которымъ подвергались наши предки за Божію правду. Да притомъ современный человѣкъ настолько очерствѣлъ умомъ и сердцемъ, что никакое огненное слово не прожжетъ его до сердца и никакая словесная «дубина» не оглушитъ его до того, чтобы хоть на минуту оторвать его отъ его жадныхъ плотскихъ инстинктовъ и приковать его вниманіе къ святому дѣлу Божьихъ людей, страдавшихъ неземными страданіями за Божіе дѣло, и тѣмъ вызывать чувство ужаса предъ страданіями и чувство преклоненія предъ той могучею волей, которая съ сладкимъ чувствомъ преодолевала всѣ эти мученія.

Нѣтъ, не мнѣ моимъ неумѣлымъ словомъ пробить «шкуру гиппопотама», которою обросло окаменѣлое сердце современнаго человѣка. А какъ-бы страстно хотѣлось, чтобы ужасъ мученій, перенесенныхъ нашими страдальцами, передался сердцу читателя, и чтобы отъ этого ужаса у читателя волосъ дыбомъ сталъ, кровь заледенѣла бы въ жилахъ, и миллионы

мурашекъ пронизали бы его тѣло отъ сердца до головы и пятъ, чтобы онъ, наконецъ, созналъ все величіе подвига нашихъ святыхъ мучениковъ и, преклонившись предъ нимъ, понялъ бы, что и онъ, человѣкъ, называющійся христіаниномъ, долженъ отрѣшиться отъ жажды наживы и бѣшеной скачки въ погонѣ за ней и, отрѣшившись, хоть что-нибудь да сдѣлать на общую пользу. Но будемъ довольны и тѣмъ, на что мы способны. Читателей же, интересующихся подробностями мученій и всей страдальческой жизни и кончины этихъ великихъ мужей и женъ, я стсылаю къ исторической повѣсти Д. Л. Мордовцева подъ названіемъ «Великій расколъ», гдѣ въ яркихъ краскахъ, и очень вѣрно исторически, они описаны подробно. Эту повѣсть я рекомендовалъ бы имѣть въ каждомъ старообрядческомъ домѣ для назиданія *).

Предки наши, всѣмъ сердцемъ любя дѣло Христа, презрѣли *не только вѣсть блага міра сего, но даже и самую жизнь*. Они отлично знали слова Христа: *кто пожалѣетъ душу свою, тотъ ее погубитъ, а кто погубитъ ее, тотъ ее обрѣтетъ*. Такъ они и поступили: они отдали свою земную жизнь на мученія и тѣмъ погубили ее для земли, но за то они обрѣли ее для неба.

Протопопъ Аввакумъ былъ близокъ къ царю. Пользовался его высокимъ вниманіемъ. Любовь царя къ нему была такъ велика, что онъ тайно, ночью, приходилъ подъ окна его тюрмы и долго ставалъ тамъ, тяжело вздыхая. Царь обѣщалъ протопопу Аввакуму большія милости, лишь бы онъ не противился новизнѣ. Но великая душа протопопа не могла поступиться правдою, и потому, не взирая на всю любовь свою къ царю, онъ не послушался его, за что и долженъ былъ всю свою жизнь страдать по тюрмамъ, въ далекихъ ссылкахъ, и закончить ее на кострѣ въ холодномъ, пустынномъ Пустозерскѣ. Онъ лишился дорогой, горячо любимой сподвижницы—жены, дѣтей и друзей. Онъ радовался страданіямъ своихъ собственныхъ дѣтей, которыхъ также замучили жестокіе люди, и страдалъ за дѣтей слабыхъ, боявшихся мукъ и отрекавшихся отъ старожитности. Страдая самъ, онъ жилъ только чужими страданіями и потому, заключенный тѣломъ, онъ душою былъ всегда свободенъ и своими письмами, увѣщаніями и разъясненіями повсюду „навѣщалъ“ вѣрующихъ, и свободныхъ и заключенныхъ.

Мученія его были таковы, что, глядя на нихъ, стрѣльцы—тюремные сторожа сходили съ ума, а онъ все съ благодарностію Богу переносилъ и неустанно слалъ во всѣ концы свои великія посланія.

Это былъ мужъ великой доблести и несокрушимой силы!

Боярыня Феодосія Прокопьевна Морозова была родственница царя. Первая боярыня при дворѣ царскомъ. Безъ нея не было ни одного приема

*) Также и сльдующія повѣсти сего автора: „Соловецкое сидѣнье“ и „Идеалы и реалисты“. Дам.

на женской половинѣ дворца. Она была лучшее украшеніе дворца царскаго—молода, красива, развита, умна и чрезвычайно богата. Такова же почти была и ея сестра—княгиня Евдокія Прокопьевна Урусова.

Онѣ были истыя христіанки. Презрѣвъ все, включая и самую жизнь, онѣ не пошли за новинами, а объявили себя приверженницами старины.

Потеряли дѣтей (Урусова даже и любимаго мужа), богатство, славу и почетъ,—онѣ отдали себя на жестокія пытки-мученія; свои чистыя женскія тѣла на позорныя обнаженія; а окончили жизнь мучительною смертію въ сырой, глубокой, темной тюрьмѣ въ г. Боровскѣ (нынѣ Калужской губерніи).

Это ли не жены, достойныя удивленія и благоговѣйнаго преклоненія?!

Діаконъ Θεодоръ, перенесшій невѣроятно ужасныя страданія: ему два раза вырвали языкъ. Томили долго въ тюрьмѣ—въ далекомъ, холодномъ Пустозерскѣ—и тамъ же сожгли въ срубѣ одновременно съ прот. Аввакумомъ.

И ничто его не заставило отречься отъ святой старожитности. *Это ли не мужъ, достойный почести святого?*

И вотъ такихъ мучениковъ за святую старожитность былъ цѣлый сонмъ. Всѣ они презирали радости и удобства жизни, шли на мученія и умирали съ высоко-поднятымъ «двуперстіемъ», знаменемъ святого протеста противъ невѣжественнаго, грубаго насилія надъ святою древностію.

Ихъ мученія и дѣла описаны въ такъ-называемомъ «Виноградѣ Россійскомъ», который я горячо рекомендую почаще читать братьямъ-старообрядцамъ и, внимая, запасаться тѣмъ несокрушимымъ духомъ и подвигами, которыми обладали они.

Пойдемте теперь, читатели, дальше по тропѣ исторіи и напомнимъ себѣ и подвиги другихъ нашихъ предковъ, хотя и не столь великіе, какъ первые, но тѣмъ не менѣе очень немалые.

Когда начались жестокія гоненія на предковъ нашихъ за непринятіе нововводствъ, то жить на своихъ мѣстахъ, сохраняя свою вѣру, не представлялось возможнымъ, и потому предки наши снимались съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и бѣжали, куда попало,—и по лѣсамъ, и по болотамъ непроходимымъ, и въ далекое сѣверное поморье на берега Ледовитаго океана; бѣжали также и въ чужіе края: и въ Польшу, и въ Крымъ—къ ханамъ татарскимъ, и къ турецкому султану, и въ другія страны, гдѣ ихъ вѣрѣ не грозили гоненія.

Это длилось до временъ Екатерины II, мудро понявшей, что дѣло преслѣдованія за дѣла вѣры—дѣло вредное для государства, и прекратившей преслѣдованія.

Но недолго пользовались старообрядцы этимъ отдыхомъ отъ преслѣдованій: съ воцареніемъ въ 1825 г. императора Николая I преслѣдованія возобновились, хотя и безъ казней, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе очень жестокія.

И вотъ, отъ дней «великаго раскола» русской православной церкви на новообрядцевъ и старообрядцевъ до нашихъ почти дней, не прекращались всяческія преслѣдованія людей старой вѣры людьми новой вѣры, и во всѣ эти долгіе годы то и дѣло появлялись яркія звѣзды—борцы за старыя устои, люди, засвидѣтельствовавшіе себя разными подвигами, до мученической смерти включительно.

Старообрядчество тиранилось всячески: его преслѣдовали и дома, и въ лѣсахъ, и даже за границей, когда это удавалось; ему не давали строить храмовъ и молиться, ему не давали и учиться, креститься «двумя персты» и носить «честную браду». Его облагали всякими двойными и тройными налогами — узаконенными и безчисленными не узаконенными, и оно все твердо выносило! Оно не только молилось, но даже, не взирая ни на что, все-таки и училось. Оно явило себя всему міру—болѣе грамотнымъ въ массѣ, нежели новообрядчество, болѣе зажиточнымъ.

Нуждаясь въ книгахъ, оно находило способы заводить печатни—тайно, и по лѣсамъ, и по подпольямъ, и за границей. Оно организовывало тайный провозъ богослужебныхъ книгъ, печатаемыхъ за границей, и хотя все это дѣлалось съ невѣроятными трудностями, но настойчивость все преодолевала.

Однимъ словомъ, я хочу сказать: наши предки были великіе люди,—люди великаго самопожертвованія и высокиихъ подвиговъ.

И вотъ—мы, ихъ наслѣдники, въ томъ видѣ, въ которомъ мы находимъ себя сейчасъ.

Дорогой читатель, братъ-христіанинъ! я усердно попрошу тебя мыслью послѣдить за моимъ наброскомъ портрета насъ самихъ въ настоящее время и провѣрить, справедливо-ли я его нарисую: тамъ, гдѣ я недостаточно точно описалъ, подправь собственнымъ воображеніемъ и, прикидывая мною данную мѣрку къ другимъ, попробуй потрудиться примѣрить и себя къ ней, можетъ-быть она и къ тебѣ пригодится, и буде окажется, что эта мѣрка будетъ тебѣ не по нраву, не сердись на меня, а просто постарайся сознать, что я правъ въ своемъ описаніи, и дай мнѣ возможность ошибиться въ этомъ описаніи въ будущемъ, чего, собственно, я и добиваюсь этою статьею.

Вотъ онъ, этотъ портретъ:

Огромное численно старообрядчество раскинулось по всему лицу матушки-Руси Великой и даже вышло изъ ея границъ, заливъ другія государства. Во всей своей массѣ, оно по преимуществу сыто, зажиточно, а то такъ и очень богато. Всюду оно своимъ матеріальнымъ благополучіемъ выдѣляется изъ окружающей его среды. Въ особенности въ дѣлѣ торговомъ оно всегда впереди: даже еврей, такой мастеръ въ торговомъ дѣлѣ, не выдерживаетъ конкуренціи старообрядца, гдѣ онъ усѣлся.

Когда мысленно окинешь Россію быстрымъ взглядомъ,—поражаешься обиліемъ выдающихся капиталистическихъ фирмъ, принадлежащихъ старообрядцамъ. Одна Москва васъ задавитъ своимъ величіемъ могущественнаго

капитала: вотъ Морозовы, которыхъ капиталы едва поддаются учету, вотъ Рябушинскіе, вотъ Кузнецовы и т. д. Скажу просто: если взять одну Москву старообрядческую, такъ и изъ нея капитала и предпріятій можно, пожалуй, создать очень приличное государство и по размѣрамъ, и по численности, и по матеріальному положенію. Но что же получится, если мы окинемъ нашимъ взоромъ всю Русь старообрядческую и прикинемъ ее богатства? Вѣдь, въ сущности, это что-то сказочное.

Я не хочу сказать, что зажиточность или умѣнье работать—зло; нѣтъ, зажиточность и трудоспособность, это — добро. Но вотъ вопросъ: сколько добра отъ этихъ милліоновъ нашихъ богачей (вмѣстѣ взятыхъ) для нашего общества? Что, я спросилъ-бы, создано на эти деньги *общественнаго*? Ничего—я не смѣю сказать, это было-бы ложью, но если взять то, что можно и нужно было-бы создать, и сравнить съ тѣмъ, что создано, то получится *именно ничто*. Намъ нужно исключить двухъ женщинъ—нашихъ сестеръ-христіанокъ Морозовыхъ и двухъ братьевъ Рябушинскихъ, которые все-таки, сравнительно, многое дѣлаютъ для общества: однѣ—средствами, другіе культурными начинаніями по поднятію умственной жизни старообрядчества и его объединенію (анкеты и т. под.). Не смѣю я обвинять и другихъ капиталистовъ, ибо многіе изъ нихъ, каждый въ отдѣльности, что-либо да дѣлаютъ на пользу общества. Но я хочу сказать вообще. Вотъ, на примѣръ, мы стремились создать объединительный центръ всего старообрядчества путемъ организациі съѣздовъ. Мы вѣрили, что къ этому центру потянется вся старообрядческая Россія, какъ тянутся растенія къ солнцу. Мы надѣялись, что сюда потянутся и «помогающіе» и ищущіе помощи. Мы надѣялись, что притокъ капиталовъ будетъ великъ настолько, что на нихъ можно будетъ покрыть старообрядческую Русь, какъ сѣгью, учрежденіями и просвѣтительными, и благотворительными. Мы надѣялись, что въ этомъ учрежденіи соберутся огромныя моральныя силы, которыя, какъ солнце своимъ тепломъ и свѣтомъ, будутъ обслуживать старообрядческую Русь своими попеченіями о ея нуждахъ. И что удивительнаго въ томъ, что чаяли всего этого? Вѣдь старообрядцевъ считаютъ до 20 милліоновъ. Но мы не будемъ такъ широко шагать, а возьмемъ только половину этой цыфры. Пусть ихъ будетъ только 10 милліоновъ. Предположимъ, что всѣ они дали бы въ это учрежденіе *по рублю* (что дать они и могутъ въ дѣйствительности). Гг., только по рублю! И что-же? получилась-бы сумма *въ 10 милліоновъ рублей*. А если по два?! Вѣдь это двадцать милліоновъ. А потомъ богатые люди поусердствовали бы, да отъ себя «приплеснули». Такъ судите сами, что можно было бы создать на эти деньги... Но что-же получилось на самомъ дѣлѣ: едва-едва *3—4 тысячи собирали*. Только благодаря спеціальнымъ пожертвованіямъ П. П. Рябушинскаго и Д. В. Сироткина—средства иногда заходили за 10 тысячъ рублей. А послѣдніе годы сумма всероссійскаго сбора была прямо смѣшная: 500—600 рублей.

И вотъ къ этимъ деньжонкамъ потянулись *тысячи рукъ*—со вся-

кими *дѣйствительными и мнимыми* нуждами. Требованій «дать» такъ было много, и нужды рисовались такими «безысходными», что просто не было силъ распредѣлять эти жалкія суммы, и породили онѣ одни только неудовольствія, ибо часто бѣдныя общества изъ такой дали присылали депутатовъ за помощью, что оказанная помощь не покрывала даже издержекъ на поѣздку.

Пробовали при этомъ учрежденіи образовывать нарочитыя суммы, и тутъ не удалось ничего: на памятникъ блаженному митр. Амвросію, котораго онѣ болѣе чѣмъ заслужилъ, собралось 100 рублей, и больше эта сумма въ гору не пошла, но за то по нуждѣ она исчезла куда-то и нынѣ только числится на бумагѣ—долгомъ, котораго никто никогда не возвратитъ.

Былъ образованъ капиталъ школьный, а этотъ еще мизернѣе оказался.

Капиталъ памятника блаженнѣйшему еп. Арсенію, послужившему старообрядчеству съ великой ревностію отъ юныхъ дней до могилы въ преклонномъ возрастѣ, тоже не созданъ: въ Петербургѣ, на бумагѣ, числится 600 рублей, но и только.

Вотъ это матеріальная сторона обѣщавшаго быть великимъ дѣла.

Но и моральная не лучше, ежели не хуже.

Начались всероссійскіе съѣзды въ тяжелую годину для старообрядчества. Былъ моментъ, когда высшая власть санкціонировала новую эру гоненій, и начало этимъ гоненіямъ уже было положено. Время было таково, что только дружнымъ единеніемъ и общею стойкостью можно было противостоятъ этому натиску и дать надлежащій отпоръ. Единеніе нужно было самое плотное. Но оказалось, что и въ эту тяжелую и мрачную годину мы показали себя «истыми сынами своей родины», подражателями извѣстной басни Крылова «Лебедь, щука и ракъ». Мы и тогда дѣйствовали, какъ эти герои: Москва ничего не хотѣла дѣлать. Нижній взялся за дѣло ревниво и плодотворно, но Москвѣ обидно показалось, и начала она дѣло тормозить всячески. Завязалась борьба. Не съ врагомъ извнѣ, а междуусобица. И какая это была жестокая борьба. Въ дѣло борьбы втянуты были и духовныя власти, вплоть до заграничнаго митрополита. Къ нему снаряжались депутаціи и съ той и съ другой стороны, и каждая освѣщала вопросъ съ своей точки зрѣнія. Дѣло дошло до того, что митрополиту было указано постановленіе собора, запрещающее ему вмѣшиваться въ дѣла Россійской области. На это онъ охотно и согласился, ибо не было возможности для него разобратъся, кто «правъ», а кто «правѣ» (виноватыхъ совсѣмъ не было). Полемическая литература посыпалась, какъ изъ рога изобилія, съ обѣихъ сторонъ. Откуда-то появились ловкіе, способные полемисты, которые обѣщали никогда не кончить дѣла полемики. Пошли «особыя мнѣнія», на особыя мнѣнія появились «разборы», а на разборы—«отповѣди» и т. д. Обвиняли одни другихъ, какъ только умѣли. И только благодаря успѣхамъ съѣздовъ у правительства, огромной силѣ примиряющаго характера блаженнѣйшаго еп. Арсенія Уральскаго и тактикѣ лицъ, имъ руководимыхъ, дѣло

кое-какъ уладилось, и положено было начало совмѣстной работѣ многихъ городовъ и селеній старообрядческой Россіи. Былъ моментъ, что даже самъ высокопреосвященный Іоаннъ архіепископъ Московскій присутствовалъ на сѣздѣ. Радостямъ примиренія не было границъ. Всѣ полагали, что теперь мы плотно слились, и дѣло дружно двинемъ впередъ. Но случилось нѣчто другое, что привело дѣло къ новому краху.

Къ дѣлу управленія сѣздами пристроились люди съ большими окладами за свои труды. Пристроились плотно; какъ пиявки присасываются плотно къ живому организму, чтобы высасывать кровь, такъ и они присосались къ суммамъ сѣзда; присосались—и отпасть не хотѣли. Не хотѣли понять, что организмъ, у котораго вытянуть и безъ того необильную кровь, погибнетъ. (Но вѣдь они и отказаться отъ окладовъ не могли—деньги имъ нужны, и они ихъ заслуживали. Я не въ обиду имъ это говорю, а лишь только устанавливаю, *насколько мы способны на самопожертвованіе.*) Но кромѣ этихъ расходовъ на служащихъ въ управленіи, не соразмѣрныхъ со средствами, оттолкнувшихъ симпатіи народа отъ сѣздовъ, обнаружился цѣлый рядъ причинъ, которыя еще болѣе отдалили симпатіи отъ дѣла и даже вызвали новый расколъ. Заправлявшіе сѣздами повели дѣло не въ должномъ направленіи, а на замѣчанія со стороны не только не хотѣли обращать вниманія, но даже стали накладывать свое «вето» на такіе протесты. Завязалась новая борьба. Борьба отчаянная. Съ одной стороны люди, сильные капиталомъ, съ другой—сильные морально и словомъ. И обѣ силы—разбились другъ о друга, ни одна не побѣдивъ. Но дѣло—пало. Если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ настолько, что его нужно возстановлять съ большими усиліями. И удастся ли возсоздать, Богу извѣстно. И вотъ, дѣло великой важности, важности исторической, захирѣло благодаря отчасти человѣческому самолюбію, отчасти алчности, отчасти неумѣнью (или точнѣе нежеланію) съ должнымъ вниманіемъ относиться къ протестамъ и критикѣ своихъ дѣйствій со стороны собратьевъ своихъ. Но во всемъ этомъ въ особенности повинно одно лицо, которое дастъ отчетъ когда-нибудь предъ Богомъ и предъ судомъ исторіи за загубленное великое дѣло.

Не могли понять братья-старообрядцы, что дѣло сѣздовъ—*дѣло великой важности.* Не могли понять, что сѣзды, это — *ихъ общая сила, съ которою всѣмъ пришлось-бы считаться и поневоля ее уважать.*

Тѣ силы, которыя мы положили на взаимную борьбу, сводившую на нѣтъ наше дѣло, заслуживали совершенно другого примѣненія.

Вотъ, это мы—дѣти великихъ отцовъ: *тѣ жизни не щадили за благо общества, а мы около 4—5 тысячъ рублей перессорились и почти загубили великое дѣло.* Но не здѣсь только мы таковы, а и повсюду. Въ дни великаго подъема нашихъ духовныхъ силъ (одновременно съ подъемомъ духа всего населенія Россіи) мы создали другое учрежденіе, и также огромной важности. Это: «Союзъ Старообрядческихъ Начетчиковъ». Задачи его неизмѣримо широки и неизмѣримо важны. Нужда въ защитѣ св. Хри-

стовой церкви отъ множества враговъ, отовсюду нападающихъ на нее, въ особенности отъ такъ-называемыхъ «миссіонеровъ», такъ ощутима повсюду, что, казалось, не найдется лицъ, не сочувствующихъ этому учрежденію, посвятившему себя нарочито защитѣ церкви, а потому въ это учрежденіе притокъ средствъ будетъ достаточный для того, чтобы широко поставить дѣло начетничества повсюду. Люди на это дѣло находились, и ихъ еще больше нашлось-бы потомъ, если-бы они видѣли, что за трудъ свой они получаютъ кусокъ хлѣба, я не говорю мяса, до мечты о мясѣ далеко, *а только кусокъ хлѣба*. Но и этого не дали имъ... Не только не дали, но даже нашлось много противниковъ, которые беспощадно критиковали дѣло начетничества и старались увѣрить народъ, что это—дѣло не только не нужное, но *даже вредное*. И никто столько не потрудился въ этомъ, какъ тѣ, отъ кого-бы и ожидать этого въ голову не пришло: *пастыри наши*. Это тѣ, чью защиту вынесли на своихъ плечахъ *именно начетчики*, а не сами они. Они-то и возстали противъ своихъ защитниковъ. Конечно, не всѣ, но очень многіе.

Борьба ихъ съ учрежденіемъ союза начетчиковъ вполне понятна. Но тѣмъ болѣе она позорна. Часто невѣжественные, неспособные пасти стадо, а тѣмъ болѣе защищать овецъ отъ волковъ, они, разжирѣвшіе отъ тука овецъ и потому разгордѣвшіе, не могли переносить безъ зависти того вниманія и любви народа къ защитникамъ церкви, которая онъ къ нимъ проявлялъ въ моментъ удачной защиты на публичныхъ собесѣдованіяхъ, и потому возставали противъ нихъ, тощихъ и полуголодныхъ, казавшихся для нихъ мизерными и ничтожными.

Больно это говорить, но это такъ.

Путемъ огромной настойчивости и предприимчивости управлявшихъ дѣлами союза, начетчики кое-какъ поддерживались, но что это за поддержка: 60—180 руб. въ годъ. И въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ—300 руб. И это за то, что человекъ (Жмаевъ) посвятилъ себя на вѣчную ссылку въ далекій Мезенскій край, гдѣ и зимою и лѣтомъ холодно, безлюдно, и полгода солнца не видать на небѣ, а освѣщаться приходится сѣвернымъ сіяніемъ да саломъ моржа или тюленя. Ёсть невозможный хлѣбъ да протухлую рыбу. И въ прибавку къ этой наградѣ—еще получать презрѣніе жирныхъ поповъ, вѣчно жалующихся на бездоходность приходовъ, но жирѣющихъ, откладывающихъ деньги въ банки, рѣжущихъ купоны и часто занимающихся ростовщичествомъ и разными торговыми предпріятіями (я не о всѣхъ это говорю, а только о тѣхъ, до которыхъ это относится).

Чтобы поддерживать это дѣло, его руководители предпринимали всѣ средства, какія они только могли придумать. На первыхъ порахъ, когда увидѣли (а также и услышали), что люди со средствами не даютъ имъ денегъ будто потому, что казначеемъ у нихъ состоитъ человекъ небогатый (это—я былъ казначеемъ въ ту пору, а у насъ людей привыкли мѣрять на вѣсѣ золота), и что ему денегъ много довѣрять боязно, то рѣшили смѣнить казна-

чая «небогатаго» на «богатаго». Но и послѣ этого дѣло не улучшилось, а наоборотъ—еще ухудшилось! Еще разъ казначея смѣнили. Опять дѣло плохо шло. И пришлось намъ, начетчикамъ, положиться на свои собственные силы и начать издательство, въ надеждѣ, что хоть оно поможетъ намъ поддерживать дѣло. Правда, это помогало. Изданія шли и, надо признать,—недурно, но агенты, бравшіе изданія на комиссію, такъ плотно сживались съ сознаниемъ своего братства съ союзомъ, что иногда находили *излишнимъ возвращать вырученныя отъ продажи книгъ деньги*, а расходовали ихъ на свои потребности. Конечно, это немногіе, но они были, и къ стыду нашему—находились таковыя даже *изъ среды самихъ начетчиковъ*.

Оказались и нѣкоторые другіе дефекты, зависящіе отъ нѣкоторыхъ изъ самихъ же начетчиковъ.

Послѣ массы трудовъ и разочарованій, разбитые моральною усталостію, руководители союза рѣшили его дѣла ликвидировать, что и сдѣлали,—путемъ сліянія союза съ московскимъ Братствомъ Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Это почетная, замаскированная, но все-таки ликвидация.

Вотъ и въ этомъ дѣлѣ мы показали себя „достоинными“ *потомками нашихъ великихъ предковъ*.

У насъ, также въ пору великаго подъема духа, образовывались братства на мѣстахъ. Ихъ задачи также велики. Они вели защиту св. Церкви. Образовывали книгохранилища для защиты, воспитывали начетчиковъ, завѣдывали дѣломъ просвѣщенія путемъ открытія школъ и раздачей книгъ для чтенія. Но за то, что они стали «что-то» дѣлать полезное и доброе, ихъ сильная «тьма» и «невѣжество» задушили, и они или умерли, или впади въ летаргію, и только одно дѣйствуетъ пока и, кажется, цвѣтеть! Какъ и что съ ними случилось, я не буду говорить, ибо для выясненія этого достаточно готоваго матеріала, къ которому я и отсылаю любопытствующихъ (но я увѣренъ: «любопытствующихъ» не окажется). Матеріалы эти: отчетъ III съѣзда братствъ, отчетъ Егорьевскаго братства за 1905—6 гг. и сего же братства Труды за 1906—7 гг., Матеріалы братства Св. Живоначальной Троицы въ Екатеринбургѣ и т. д. Вездѣ вы встрѣтите страшную, сопротивляющуюся всему свѣтлому, прекрасному и доброму темную силу—невѣжества и злобы, затаенную въ нашей средѣ. Силу, все сокрушающую и все уничтожающую.

Это—тоже дѣянія, „приближающія“ *наши качества къ достоинствамъ нашихъ предковъ*.

Но въ борьбѣ съ самими собою у насъ еще хватало силы (ибо, въ сущности, силы у насъ непочатые углы) и на борьбу извнѣ: мы добились своего. Мы дождались свѣтлыхъ дней: 17 апрѣля 1905 г. и 17 октября 1906 г. Намъ разрѣшено упорядочить нашу общественно гражданскую жизнь путемъ образованія общинъ, какъ юридическихъ лицъ. Долго ждали мы этого. Много потрудились и—дождались. Казалось: вотъ радость. Наконецъ-то мы заживемъ такъ же, какъ и другіе, думалось намъ. Но не тутъ-то было. Кому отъ благъ радость, а намъ все—слезы.

Во-первыхъ, учрежденіе общинъ породило множество раздора въ приходахъ. Обычно при учрежденіи общины гдѣ-либо немедленно являются и защитники ея учрежденія и противники. Начинаются споры, раздоры и вражда, доводящая враждующія партіи до гражданскихъ судовъ и формальнаго разрыва. А въ средѣ «іовцевъ», такъ тамъ дѣло дошло и до раскола на «еретиковъ - общинниковъ» и «необщинниковъ», не молящихся уже вмѣстѣ и формально отлучающихъ другъ друга. Но и тамъ дѣло обстоитъ не лучше, гдѣ община учреждается безъ протеста, и тамъ оказывается во всей силѣ духъ вѣчнаго противорѣчія, духъ гордыни, духъ алчности, и бѣды отъ глагола «мое», какъ говорилъ св. Іоаннъ Златоустый. Ничто такъ сильно насъ не привязываетъ къ себѣ, какъ «собственность». Желаніе имѣть все «своимъ» такъ влечетъ человѣка, что онъ ради присвоенія себѣ даже чужого часто идетъ на преступленія. Въ годы гоненій, безправія, намъ приходилось устраивать наши храмы на частныхъ лицъ, т.-е. храмы эти какъ-будто принадлежали кому-либо изъ христіанъ, какъ его собственность. Отъ этого проистекало много золъ. Обычно церковные дома и имущество ввѣрялись людямъ богатымъ. Часто эти богатые люди разорялись, если не сами, то ихъ наслѣдники, а часто и уклонялись въ господствующую церковь. Разорившись, они обычно пускали храмы въ продажу, какъ собственность свою, добровольно, а иногда поневолѣ съ молотка, за долги, а уклонившись, они передавали и храмы господствующей церкви. На этой почвѣ возникало множество золъ. Подѣлать что-либо въ ту темную пору нашего безправія съ этимъ неизбежнымъ зломъ было нельзя. Законъ былъ таковъ. И поэтому, хочешь-не-хочешь, а мирись. Это длилось долгіе годы. Всѣ эти долгіе годы мы мучились жаждою дожидаться закона, когда это зло должно будетъ исчезнуть. И вотъ теперь дождались.

Казалось: вотъ теперь храмы мы передадимъ въ общество, и ужъ они не будутъ больше продаваться. Устраивали общины. Просили владѣльцевъ храмовъ передать въ общины ввѣренное имъ на время имущество. Но не тутъ-то было: они твердо стоятъ на глаголѣ: это «мое», и я «не отдамъ». И во многихъ мѣстахъ, несмотря на страшную злобу, вытекавшую изъ-за сего въ средѣ христіанъ, церкви продолжаютъ оставаться собственностью частныхъ владѣльцевъ, которымъ ихъ когда-то довѣрили какъ-бы на временное храненіе.

Въ одномъ городѣ на Уралѣ дѣло на этой почвѣ чуть ли не до убійства доходило. А въ одномъ селеніи было форменное побоище, а ужъ о тяжбахъ въ судахъ я и не говорю!

Вотъ и здѣсь мы проявляемъ себя «истыми» подражателями нашимъ святымъ предкамъ.

Идемте дальше: наши предки, подъ угрозами чисто физическихъ воздѣйствій со стороны властей, вездѣ и всюду не переставали обучать отрочество и юношество началамъ грамоты и добрымъ нравамъ.

Мы стонали подъ гнетомъ безправія. И на упрекъ въ нашей безгра-

мотности вполне резонно отвѣчали, что учиться намъ не даютъ. Теперь эта отговорка ужъ не можетъ помочь: намъ позволено имѣть свои школы. Много мы ихъ настроили? спрошу я читателя. Но не надо говорить и о постройкахъ: постройки стоятъ денегъ, а мы ихъ очень, очень любимъ и расстаемся съ ними только со смертию, въ силу необходимости. Мы будемъ говорить вотъ о чемъ: намъ разрѣшается ввести въ существующія школы своихъ законоучителей, а намъ, собственно, только это и нужно: всѣ гражданскія науки у насъ вѣдь общія, намъ нужно только въ Законѣ Божіемъ, въ славянскомъ чтеніи и церковномъ пѣніи наставить отрочество по нашимъ обычаямъ и вѣроученію, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе христіански, нравственно ихъ воспитывать, нежели они воспитываются въ существующихъ школахъ. Для этой цѣли должны бы быть использованы священники. Вѣдь это-то и есть *ихъ первая обязанность*. И что же они?.. Стремительно бросились въ школы?.. Отнюдь нѣтъ. Они сказали «мы неспособны», мы «неучены». Имъ дали право—«неучами» войти въ школы преподавателями. И они снова не пошли, а подготовиться и выдержать экзамены на право преподаванія — такъ ужъ объ этомъ и заикаться не стоитъ.

Во многихъ мѣстахъ (какъ, на примѣръ, у насъ въ Егорьевскѣ) городскія самоуправленія сами предлагаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы привлечь насъ къ нашему собственному дѣлу, но безъ успѣха: мы на это или никакъ неотзываемся, или отзываемся отказомъ.

И вотъ въ этомъ *нашъ позоръ предъ нашими дѣятельными предками, жаждавшими свѣта—знанія и къ нему всячески стремившимися*.

И чѣмъ дальше, все стыднѣе и стыднѣе становится намъ за наши дѣянія (а пожалуй—бездѣятельность?)

Вотъ еще примѣръ: подъ пытками, подъ вѣчными страхами быть казненными наши предки—священники, не взирая ни на что, дѣлали свое дѣло. Они крестили, вѣнчали, отпѣвали и присоединяли отъ иномыслящихъ къ св. Христовой церкви. Это дѣлали попы, бѣжавшіе, какъ выражались о нихъ тогда, отъ господствующей церкви. Но что же дѣлали до сегодня, и дѣлаютъ теперь, наши кровные пастыри, и родившіеся, и воспитавшіеся, и рукоположенные въ эту должность *въ нашей средѣ*. О томъ, какъ они остерегались присоединять до новыхъ законовъ, я уже не говорю, — тамъ была хотя личина отговорки, но я хочу указать на настоящее положеніе этого вопроса. Я уже сказалъ немного выше, что учить дѣтей наши священники оказались *совсѣмъ неграмотными*. Ну, а если мы посмотримъ, какъ они прекрасно поняли нѣкоторыя статьи закона 17 октября 1906 года и нѣкоторые циркуляры, и какъ усердно они ихъ выполняютъ, то мы придемъ къ заключенію, что священники наши *ужъ больно грамотны*. А вотъ понять правило 52 свв. апостоловъ и его выполнить — они снова *очень неграмотны*.

И въ этомъ сказались мы—«дѣти вѣка».

Теперь обратимся непосредственно къ намъ самимъ, мірянамъ. Что же представляемъ изъ себя мы, потомки нашихъ великихъ предковъ?

И оглянувшись на себя внимательно, мы съ ужасомъ видимъ, что въ насъ отъ духа нашихъ предковъ *ничего* ни осталось. Мы стали «сынами вѣка сего». Слуги Молоха или Мамоны, одѣтые смердяще-изысканно, выстриженные, «выскобленные»,—чище чего быть не можетъ, часто съ сигарою въ зубахъ или съ папиросою, обжирающіеся и упивающіеся ежедневно въ ресторанахъ или гостиницахъ, часто въ чаду опьяненія—вихремъ кружащіеся въ неистовой пляскѣ,—въ компаніи дѣвицъ извѣстнаго сорта. Мы превращаемъ день въ ночь и ночь въ день, подобно язычникамъ—современникамъ Нерона, и не только сотнями, но часто тысячами швыряемъ деньги на этотъ позорный образъ жизни. Всѣ курорты Руси и Западной Европы посыплются нашими деньгами. Жены наши: упитанныя, изнѣженныя, расфранченныя, завитыя, набѣленные, какъ самыя низкопробныя публичныя женщины, съ накрашенными губами, щеками, рѣсницами и бровями, съ мохнатою шапкою *чужихъ* кудрей на головѣ,—шныряютъ онѣ по театрамъ, различнымъ садамъ, баламъ и курортамъ—и тягучими, несвойственными ихъ природѣ рѣчами, томными закатываніями глазъ и искусственными, дѣлаными движеніями привлекаютъ къ себѣ постороннихъ самцовъ. Въ погонѣ за ними они придумываютъ различныя болѣзни и ѣдутъ по «совѣту врачей» лѣчиться на всякіе курорты, а мужья, захваченные въ лапы дьяволомъ страсти къ наживѣ, или, не замѣчая этого, охотно ихъ отпускаютъ или, просто желая сдѣлать себя свободными для всяческихъ походовъ по этой же части, сами спѣшатъ ихъ отправить подальше, и притомъ на срокъ какъ можно подольше, и это дѣлается и смолоду, и подъ старость. Разводы, расходы, раздѣльное жительство стали такъ обычны, что имъ ужъ и удивляться перестали. Молодежь, воспитывающаяся подъ вліяніемъ поступковъ старшихъ, ни во что не стала ставить половой невинности. И не только молодежь мужского пола, но даже дѣвицы ни во что ставятъ свою дѣвичью чистоту. Разбитая нравственно и физически всякими болѣзнями, происходящими отъ пороковъ молодости, наша молодежь только въ 30—40 лѣтъ идетъ къ алтарю заключать бракъ съ какою-либо глупенькою, по молодости лѣтъ, дѣвицей и притомъ *непремѣнно невинною*. Это уродыто, которыхъ слѣдовало бы «на свалку» свалить, вступаютъ въ жизнь супружескую на предметъ произведенія потомства! И что же за потомство получается отъ нихъ? Первымъ долгомъ заражается жена. Попадаетъ она, бѣдная, въ руки къ врачамъ, а тѣ ужъ доконаютъ ее окончательно и нравственно, и физически. Сдѣлаютъ ее бездѣтною, а потомъ она жирѣетъ, зрѣетъ, и, понявъ, что съ нею сдѣлали, становится на ту дорогу, на которую ее и толкали.

А если дѣти будутъ, что же это за дѣти... И никто, положительно никто противъ этого не возстаетъ: ибо всѣ, или почти всѣ—таковы ¹⁾.

Мы, гордые не меньше, чѣмъ дьяволъ, а въ сущности—жалкіе пигмеи, воображаемъ себя чѣмъ-то недосягаемымъ, великимъ и ни на что не хотимъ обратить вниманія. Все для насъ такъ мелко и ничтожно, что просто не заслуживаетъ нашего вниманія. Въ особенности игнорируется нами жизнь религіозная. Мы въ этомъ отношеніи до того позорно воспитались, что стали считать за стыдъ и срамъ все, относящееся къ религіозности. Человѣку религіозному въ современномъ обществѣ стало невозможно жить. На каждомъ шагу онъ будетъ высмѣянъ или даже прямо оскорбленъ.

Я помню случай, одинъ изъ многихъ, когда мнѣ пришлось быть въ очень старинной, именитой притомъ, старообрядческой семьѣ, въ старину отличавшейся значительными подвигами на почвѣ религіозной жизни. Я былъ приглашенъ къ чайному столу. До стола все шло хорошо. Но стоило мнѣ помолиться Богу, садясь за столъ, какъ все измѣнилось. Люди пришли въ замѣшательство и сдѣлали видъ, что я ихъ просто позорю. Пришлось извиняться, что я причинилъ имъ непріятность, и *очень осторожно* выразить обратное удивленіе.

Въ другомъ также старинномъ семействѣ я очутился въ Петровъ постъ и по разсѣянности согласился отобѣдать. Когда я увидѣлъ, что всѣ кушанья подаются скоромныя, я не зналъ, что дѣлать: ѣсть я не могъ, а заявить, что я не могу ѣсть, — это сдѣлать цѣлую исторію. Но пришлось-таки вѣжливо сказать, что я пощусь и потому прошу извиненія, что не могу почтить ихъ стола.—«Такъ вѣдь и мы постимся», услышалъ я въ отвѣтъ. «Мы кушаемъ хотя и скоромное, но только два раза въ сутки. Мы не обжираемся, а ѣдимъ, сколько потребно для поддержанія жизни», заявили мнѣ стереотипною фразою. Ну и видѣлъ я, какъ они ѣли «сколько нужно...»

И это всюду и вездѣ. Это не только въ городѣ, но даже и деревня заразилась этою распушенностію.

Отдавая наши лучшія силы на развѣданіе ихъ нашими тѣлесными страстями, мы до того забыли нашу духовную жизнь, что она уже и не шикнетъ о своемъ существованіи. Отъ нашего неумѣреннаго образа жизни, отъ нашихъ непомѣрно возрастающихъ потребностей у насъ развивается страшная жажда наживы, доходящая часто до невѣроятности. Привыкая,

¹⁾ Полагаемъ, что далеко не всѣ старообрядцы таковы, какъ ихъ изображаетъ авторъ въ этомъ мѣстѣ своей мрачной, но справедливой „филиппики“. Мы смѣло беремъ подъ свою защиту милліоны старообрядцевъ деревенской „сермяжной“ Руси, не изъ желанія идеализировать ихъ темную жизнь, но потому, что имъ не только не до обжорства въ ресторанахъ и гостиницахъ, не до роскоши, разврата и курортовъ, но часто и пообѣдать нечего. Повидимому, авторъ разумѣлъ здѣсь городскихъ старообрядцевъ, и самъ не имѣлъ намѣренія дѣлать обобщеній. Ред.

мы все и вся мѣримъ только на деньги, ничего у насъ не остается не покупного, не продажнаго: себя мы продаемъ нашимъ будущимъ женамъ за ихъ приданое, сыновей, дочерей и сестеръ продаемъ за деньги или невѣстамъ, или подержаннымъ, изношеннымъ и истрепаннымъ мужьямъ. «Покупаемъ» Царство небесное у поповъ и за деньги же издѣваемся надъ ними. Командуемъ деньгами сами и служимъ имъ въ свою очередь, какъ рабы.

Продаемъ свои силы, способности, дарованія и совѣсть. Готовы изъ зависти обвинить публично своихъ близкихъ въ томъ, въ чемъ сами виноваты, по приказу тѣхъ, кто даетъ намъ деньги.

Часто капиталъ становимъ выше всего, подчасъ выше Самого Бога. Капиталомъ развращаемъ себя, нашихъ дѣтей и насъ окружающихъ и имъ же несемъ гибель себѣ, дѣтямъ и окружающимъ. Я знаю человѣка, и такихъ много въ нашей средѣ, которые просто помѣшались на собираніи какъ можно большаго количества денегъ и, собирая ихъ, доходятъ до неистовства, и чѣмъ больше ихъ скопляютъ, все жаднѣе и жаднѣе дѣлаются. Все забываютъ, лишь бы побольше собрать! Старикъ, о которомъ я хочу сказать, владѣющій чуть не миллиономъ рублей, моритъ себя и семью голодомъ. Гниетъ отъ болѣзни ногъ, разбитъ параличемъ и не хочетъ лѣчиться. Довелъ одного сына до сумасшествія, приблизилъ къ этому и себя. До развязки—чуть ли не минута, а ему изъ-за денегъ про близость конца и про Бога и вспомнить некогда. Забылъ старикъ всѣ молитвы, молиться почти пересталъ; «Отче нашъ» прочитаетъ только съ подсказкою прислуги, но, о, чудо! не потерялъ способности вычислять $0/0/0$ и не забываетъ сроковъ ихъ полученія. Однимъ словомъ: старикъ сидитъ на развалинахъ жизни, трупы, разлагающіеся трупы, смрадъ, черви кругомъ, и самого уже черви начали точить, а онъ сидитъ, ничего не чувствуя, и въ этомъ смрадѣ копается съ деньгами, ни за что не желая разстаться съ ними, такъ ему дорогими! И попробуйте вы подойти къ нему съ просьбой о помощи, какъ онъ грозно васъ отпугнетъ. Пока онъ умираетъ медленно ужасною смертію тѣла и души, а молодая жизнь, его дѣти, зятья и внуки, заводятъ уже веселый хороводъ въ ожиданіи поживы послѣ его смерти, въ видѣ наслѣдства. Не ужасъ ли это?

И вотъ, это—мы, «достойные» потомки нашихъ великихъ предковъ.

Теперь послѣдній пунктъ: сытые, часто богатые, пресыщенные жизнью, сыплющіе деньгами по ресторанамъ, садамъ и женщинамъ, много ли мы удѣляемъ отъ нашихъ достатковъ на общественныя нужды? Да, наконецъ, и понимаемъ ли мы объ общественныхъ нуждахъ? Сознаемъ ли мы даже, что такое мы, что мы изъ себя представляемъ? Я думаю, что далеко нѣтъ. Я думаю, что мы въ общемъ такъ далеки отъ самопознанія, какъ далеки неподвижныя звѣзды отъ земли. Чтобы познать себя, т.-е. общество свое во всей его совокупности, нужно много читать и многое изучать.

А вотъ вопросъ, много ли мы читаемъ? И что именно? Я знаю, что по-

хожденія «Ната Пинкертона», легкіе романы и тому подобную дрянъ мы еще читаемъ, читаемъ иногда даже и «Бову Королевича», ну, а серіозную литературу—едва ли. Казалось бы, первымъ долгомъ мы должны читать собственныя изданія, создавъ нѣсколько солидныхъ органовъ. Читать, по крайней мѣрѣ, уже созданные журналы, сотрудничать, дабы общими силами притти къ изученію самихъ себя. Изучивъ же, опредѣлить себя, а опредѣливъ, стремиться къ совершенствованію. Но не тутъ-то было. Мы не только не выписываемъ и не читаемъ своихъ журналовъ, мы не пренебрегаемъ даже ими, а прямо-таки иногда противодѣйствуемъ имъ, мѣшая другимъ ихъ выписывать и читать. И удивительно, на это дѣло у насъ откуда-то и способности берутся, и энергія, и досугъ.

У насъ существуетъ пока-что только два журнала: «Церковь» еженедѣльный и «Старообрядческая Мысль» ежемѣсячный. Принимая во вниманіе, что старообрядцевъ насчитываютъ и 15 и 20 милліоновъ, можно предположить, что два журнала не только должны существовать, но и процвѣтать, богатѣть и широко служить обществу, освѣщая ему дорогу къ совершенствованію. И какъ не разсчитывать: латыши, населяющіе только двѣ губерніи Лифляндскую и Курляндскую съ общимъ населеніемъ въ 2,100,000 душъ обоего пола (слѣдовательно, число латышей не больше 1,500,000), имѣютъ не одинъ десятокъ газетъ и журналовъ, которые всѣ существуютъ и притомъ очень прилично. Также точно и у финновъ, которыхъ всего на-всего 2,500,000 душъ, существуетъ много газетъ и журналовъ. Слѣдовательно, если у этихъ маленькихъ народностей на ихъ языкахъ, кромѣ ихъ однихъ никому неизвѣстныхъ, существуетъ множество газетъ и журналовъ, то у насъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ Россіи, и притомъ въ такомъ большомъ количествѣ, да въ придачу—при языкѣ общерусскомъ, которымъ говоритъ 80—90 милліонная масса, и подавно должно быть съ полсотни изданій. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ: «Старообрядецъ» погибъ. «Церковь»—бьется вотъ уже третій годъ, не сводя концы съ концами, существуя на содержаніи двухъ - трехъ лицъ. Вновь народившійся журналъ «Старообрядческая Мысль» взываетъ къ своимъ подписчикамъ о помощи въ его распространеніи среди населенія, чтобы имѣть возможность существовать, не говоря уже о томъ, чтобы процвѣтать. Однихъ поповъ у насъ около 1500. Казалось бы, что они-то ужъ обязательно должны выписывать журналы, ибо имъ они всего больше нужны. Но нѣтъ, никто такъ мало не читаетъ, какъ они, и если выписать, такъ многіе изъ нихъ стараются какъ-нибудь «задаромъ», или бесплатно, а если этого не удастся, такъ они еще сердятся. Богатые міряне не желаютъ выписывать, а бѣдные средствъ не имѣютъ. Но самое главное, это—наше невѣжество. Это наше не пониманіе всей важности собственной печати, которая могла бы широко выражать общественную мысль и нужды общества. Когда это самосознаніе выростетъ, Богу извѣстно. Когда мы будемъ читать, тоже Ему, Всевѣдущему, извѣстно. А въ кабаки ходить, сорить деньгами и погрязать въ невѣжествѣ мы бу-

демъ теперь. И кто пробовалъ распространять журналы, тотъ отлично знаетъ, какъ это трудно, и какая бездна отговорокъ, и притомъ какихъ ловкихъ, находится у человѣка, чтобы отыгаться отъ выписки. Но не легче бываетъ и тогда, когда подписка взята: подписавшійся, за свои 3—5 руб., такъ дѣлается требователемъ, что ему за нихъ давай именно то, чего онъ требуетъ, и во время, какое ему желательно. А помилуй Богъ, стрясись съ журналомъ какая-либо случайность, тогда пропаль!

Никто не хочетъ понять, что дѣло издательства нелегко, что молодыя изданія нуждаются въ поддержкѣ, и что нужно всячески имъ помогать, ибо безъ печати остаться обществу—все равно, что человѣку безъ глазъ.

Но этого никто почти не понимаетъ. Никто не хочетъ разстаться съ 3—5 руб. въ годъ на дѣло, для него же лично и для общества полезное, и никто не жалѣетъ прокутить 10—15 руб. въ вечеръ, а то и больше, въ компаніи сомнительныхъ друзей и подозрительныхъ женщинъ, а на утро еще и похвалиться, что онъ прожилъ столько-то, безобразничалъ такъ-то.

И въ этомъ сказались тоже мы, «достойные» потомки нашихъ великихъ предковъ.

Любезный читатель! Вникни получше въ эту статью, да сдѣлай-ка сравненіе насъ съ нашими предками, и ты поймешь весь ужасъ нашего паденія. Но, понявъ, не отчаявайся, а возьми себя въ руки и, смѣло оставъ отъ нравственной грязи, иди на сухую дорогу праведной жизни, спѣши на общую дружную работу и другихъ зови съ собою.

И тогда, только тогда мы будемъ постепенно приближаться къ подвигамъ нашихъ предковъ и хоть сколько-нибудь будемъ достойными ихъ потомками.

Н. Д. Зенинъ.

Религіозно-общественныя движенія русскаго народа въ XVIII в. *)

Первые годы XVIII в. ознаменовались крупными народными волненіями, которыя какъ бы завершаютъ собой циклъ аналогичныхъ движеній XVII столѣтія. Эти массовыя народныя движенія возникаютъ именно тамъ, гдѣ наиболее сильны старыя традиціи, т.-е. среди казаческихъ элементовъ, на окраинахъ, гдѣ не такъ чувствуется желѣзная рука правительственнаго гнета, куда устремляется широкой волной притокъ недовольныхъ и угнетенныхъ. „Мужики грубіи и воры мятежные разбѣгошася“ изъ Москвы и пытаются не

*) Продолженіе см. № 10.